
Мышкин, где все свои
Сырная лавка
Доброе юмористическое фэнтези

Милана Панова

Мышкин, где все свои

«Автор»
2026

Панова М.

Мышкин, где все свои / М. Панова — «Автор», 2026

Варя Ромашкина переезжает в маленький волжский городок Мышкин, чтобы открыть сырную лавку и жить спокойно. Но в первый же вечер ей в чай падает мышь и вежливо извиняется.Оказывается, мыши в Мышкине разговаривают, заседают в собственном совете и двести лет тайком помогают людям. А Варя теперь единственная, кто понимает обе стороны.Скоро в город приезжает комиссия конкурса «Самый уютный малый город России», и подготовка превращается в сплошную комедию переводов: мыши просят ванну, а город строит фонтан. Тем временем кто-то по ночам чинит Варе калитку и оставляет на крыльце пирожки со стихами. Очень плохими стихами.Добрая и смешная история о маленьком городе, большой дружбе, сыре, пирожках и любви, которая говорит на самом понятном языке.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Мышкин, где все свои

Мышкин, где все свои
Доброе юмористическое фэнтези

Глава 1. Мышь в чае

Варвара Ромашкина приехала в Мышкин в начале мая, в тот самый день, когда над Волгой ещё лежит утренний холодок, а к обеду уже хочется снять кофту и подставить лицо солнцу. Ехала она из Ярославля на старенькой синей машине, которую в семье звали Ласточкой, хотя летать машина давно разучилась и на подъёмах вздыхала, как пожилая тётушка на лестнице.

На заднем сиденье, пристёгнутые ремнём, ехали коробка с посудой, гитара в чехле, фикус по имени Аркадий и большая папка с надписью «ЛАВКА». В папке лежало всё, что Варя насобирала за десять лет мечтаний: вырезки из журналов, рецепты сырников, эскизы вывески, нарисованные на салфетках, и договор аренды старого купеческого дома на Успенской улице.

Десять лет Варя преподавала музыку в детской школе искусств. Она любила своих учеников, любила запах канифоли и старого пианино, но каждое лето, проезжая мимо маленьких городков, ловила себя на одной и той же мысли: вот бы открыть где-нибудь крошечную лавку с сыром, пирогами и чаем, чтобы люди заходили не за покупками, а просто погреться. В этом году мысль наконец перестала быть мыслью и превратилась в договор аренды.

Дом оказался именно таким, каким выглядел на фотографиях, только чуть ниже ростом. Двухэтажный, наполовину каменный, наполовину деревянный, с резными наличниками и вывеской, на которой ещё угадывались буквы прежнего хозяина: «Скобяные товары. Купец Мухин и сыновья». Внизу располагалось торговое помещение с огромным окном, наверху две комнатки для жизни, а под полом, как сообщил по телефону хозяин дома, «погреб старинный, сухой, хороший, только вы туда не лазьте без нужды, там ступеньки крутые».

Варя остановила Ласточку у крыльца, вышла и долго стояла, задрав голову. На коньке крыши сидела ворона и смотрела на неё с выражением человека, который видел здесь уже многих мечтателей.

— Ничего, — сказала Варя вороне. — Я надолго.

Ворона не поверила и улетела.

Весь день прошёл в беготне. Варя таскала коробки, мыла окна, отскребала с прилавка следы скобяной торговли столетней давности и дважды знакомилась с соседкой. Соседку звали тётя Люся, ей было около семидесяти, и жила она в доме напротив, за палисадником с тюльпанами такого яркого цвета, будто их выкрасили к празднику.

В первый раз тётя Люся пришла с пирогом. Во второй, через полчаса, с вопросами.

— Одна приехала? — спросила она, оглядывая коробки.

— Одна.

— Не замужем?

— Нет.

— А сыр продавать будешь?

— Буду.

— Это правильно, — кивнула тётя Люся так серьёзно, будто речь шла о выборе профессии для внука. — Сыр у нас любят. Только у нас мыши. Город так называется, сама понимаешь.

— Я знаю, — улыбнулась Варя. — Я была в Музее мыши, ещё студенткой.

— Музей одно, — загадочно сказала тётя Люся. — А жизнь другое.

С этими словами она ушла, оставив Варю гадать, шутка это была или предупреждение. Пирог, кстати, оказался с капустой и яйцом, такой вкусный, что Варя съела половину прямо стоя, а вторую половину честно отложила на завтра и через десять минут доела тоже.

К вечеру руки у неё гудели, спина просилась в горизонтальное положение, а в голове крутилась песенка, которую она сочинила, пока мыла витрину: «Ах, витрина, ты витрина, ты прозрачна, как вода». Дальше рифма не шла, и Варя на всякий случай пела первую строчку снова и снова.

Она поставила чайник на маленькую плитку в торговом зале, достала любимую кружку с подсолнухами, заварила чай с чабрецом и села на подоконник, глядя на тихую улицу. Солнце садилось за купола, где-то лаяла собака, по тротуару прошёл огромный бородатый мужчина с сетью на плече и кивнул ей, хотя они не были знакомы. В Мышкине, видимо, кивали всем.

Варя отпила чаю, поставила кружку на подоконник и прикрыла глаза. Вот оно. Начало. Новый город, новая жизнь, своя лавка. Она представила, как через месяц здесь будет пахнуть свежей выпечкой, а на полках лежать круги сыра, похожие на маленькие солнца.

Что-то тихонько плюхнулось.

Варя открыла глаза. В кружке с подсолнухами, по самую шею в чае с чабрецом, сидела мышь. Серая, небольшая, с круглыми ушами и очень удивлённым лицом. Именно лицом: Варя потом много раз пыталась объяснить себе, почему ей пришло в голову это слово, и не могла, кроме того, что выражение у мыши было совершенно человеческое. Так смотрит пассажир, который вышел из автобуса не на той остановке.

Мышь отфыркнулась, ухватилась лапками за край кружки, подтянулась, перевалилась наружу и шлёпнулась на подоконник. С неё текло. Она отряхнулась, как маленькая собака, обдав Варю брызгами чабреца, затем выпрямилась, пригладила усы и произнесла тонким, но очень отчётливым голосом:

— Прошу прощения. Это было крайне невежливо с моей стороны. Я не хотел падать в ваш чай. Я хотел аккуратно пройти мимо.

Варя смотрела на мышь. Мышь смотрела на Варю.

— Чай, кстати, отличный, — добавила мышь, облизнув лапку. — С чабрецом?

— С чабрецом, — машинально ответила Варя.

— Я так и подумал.

Мышь ещё раз извинилась, слегка поклонилась, спрыгнула с подоконника на пол и исчезла в щели под плинтусом. Хвост мелькнул последним, как восклицательный знак в конце предложения.

Варя сидела неподвижно минуты три. Потом очень медленно взяла кружку, посмотрела в неё, понюхала и поставила обратно.

— Так, — сказала она вслух. — Ромашкина, ты устала.

Это было разумное объяснение. Она встала в шесть утра, четыре часа ехала по трассе, восемь часов таскала коробки и не ела ничего, кроме пирога тёти Люси. Человек в таком состоянии может услышать что угодно. Однажды, после ночи проверки нотных диктантов, ей показалось, что пианино в классе вздохнуло. Тогда она просто легла спать, и утром пианино снова вело себя прилично.

Варя вылила чай в раковину, вымыла кружку дважды, с мылом, и поднялась наверх. Кровати пока не было, только надувной матрас, который она купила специально для первых ночей. Матрас надувался насосом, насос был электрический, а электричество наверху работало только в одной розетке, причём розетка эта находилась в другом конце комнаты от провода. Варя победила технику при помощи удлинителя, лёгкого ругательства и песенки про витрину.

Засыпая, она решила, что мышь была самой обыкновенной. Обычная мышь упала в чай, обычно выбралась и обычно убежала. А всё остальное ей приснилось с открытыми глазами. Так бывает. Наверное.

Под полом что-то шуршало, но в старых домах всегда что-то шуршит.

Утром Варю разбудило солнце и запах. Пахло выпечкой: тётя Люся, судя по всему, пекла с рассвета. Варя потянулась, полежала, слушая, как воркуют голуби на карнизе, и вспомнила мышь. При дневном свете вчерашнее казалось смешным. Она даже придумала, как будет рассказывать это подруге Тане: «Представляешь, у меня мышь извинилась».

Она спустилась вниз, открыла дверь, чтобы проветрить зал, и замерла на пороге.

На подоконнике, ровно там, где вчера стояла кружка, лежал конверт. Маленький, размером с почтовую марку, из плотной бежевой бумаги, запечатанный капелькой воска. На воске был оттиснут крошечный герб: колосок и сырная головка, перевязанные лентой.

На конверте аккуратным, очень мелким почерком было написано: «Варваре Андреевне Ромашкиной. Лично в руки. Срочно, но без суеты».

Варя взяла конверт двумя пальцами. Он весил примерно как лепесток.

— Без суеты, — повторила она. — Ну конечно. Как же ещё.

Глава 2. Заседание под полом

Чтобы распечатать конверт, Варе понадобились пинцет для бровей, лупа из набора юного натуралиста, оставшегося с тех времён, когда она вела музыкальный кружок в летнем лагере, и полчаса терпения. Внутри оказался листок, сложенный вчетверо. Развернутый, он был размером с трамвайный билет.

Текст гласил:

«Глубокоуважаемая Варвара Андреевна!

Мышиное городское собрание города Мышкина имеет честь пригласить Вас на внеочередное заседание, которое состоится сегодня в семь часов вечера в погребе Вашего дома (вход через люк за прилавком, ступеньки крутые, держитесь за перила).

Повестка дня: знакомство, извинения за вчерашний чай, деловое предложение.

Форма одежды: любая, но желательно без кошачьей шерсти.

С совершеннейшим почтением,

Голова Мышиного собрания А. Г. Хвостов».

Ниже стояла печать с тем же колоском и сырной головкой, а под ней, другим почерком, более круглым и торопливым, было приписано: «Приходите голодной. Мыська».

Варя перечитала письмо четыре раза. Потом положила его на прилавок, отошла на три шага и посмотрела издалека, как смотрят на картину в музее. Письмо не исчезло. Тогда она взяла телефон и написала Тане: «Мне пришло приглашение от мышей». Таня ответила через минуту: «Поздравляю! На свадьбу?» Таня считала, что у неё прекрасное чувство юмора. Варя решила не уточнять.

День тянулся бесконечно. Она распаковывала посуду и роняла её чаще обычного, а роняла Варя всегда много. В музыкальной школе её звали «наша Ромашкина, которая уронит даже тишину». Сегодня она уронила две тарелки, ложку, пакет муки и, кажется, собственное достоинство, когда тётя Люся заглянула в окно в тот момент, когда Варя на четвереньках заглядывала под плинтус и говорила в щель: «Алло? Есть кто?»

— Потеряла чего? — спросила тётя Люся через стекло.

— Серёжку, — соврала Варя.

— А, — тётя Люся посмотрела на её уши, в которых обе серёжки были на месте, кивнула с пониманием и ушла. Через десять минут на крыльце появилась тарелка с сырниками. Видимо, по мнению тёти Люси, человеку, который ищет третью серёжку, требовалось усиленное питание.

Без пяти семь Варя стояла за прилавком перед люком. Люк был деревянный, с железным кольцом, и раньше она его просто не замечала: его прикрывал старый половик. Варя надела чистую блузку, причесалась, накрасила губы, потом стёрла помаду, решив, что это слишком,

потом снова накрасила, решив, что на первую встречу с кем бы то ни было стоит выглядеть прилично. Она взяла фонарик, глубоко вздохнула и потянула за кольцо.

Из погреба пахнуло прохладой, сушёными яблоками и почему-то ванилью. Вниз вела узкая лестница, действительно крутая. Перила были на месте. Варя спускалась медленно, считая ступеньки, и на девятой остановилась, потому что фонарик ей больше был не нужен.

Внизу горел свет. Не электрический, а тёплый, мерцающий: десятки крошечных свечек стояли на полках, на бочках и на старом сундуке, и в их свете погреб выглядел как сцена театра, на которой вот-вот начнётся спектакль.

Зрители уже собрались. Варя насчитала мышей сорок, а потом сбилась. Они сидели рядами на полках, как в амфитеатре, некоторые в крошечных жилетках, одна в чепчике, несколько совсем маленьких в первом ряду болтали ногами. Когда Варя ступила на последнюю ступеньку, по погребу прошёл шорох, как по залу перед поднятием занавеса, и стало тихо.

Посередине, на перевёрнутом спичечном коробке, служившем трибуной, стоял пожилой мыш с седыми бакенбардами, в бархатном жилете цвета спелой вишни. На носу у него сидели очки, сделанные, как потом выяснилось, из двух бусин от бабушкиных бус. Он откашлялся.

— Дорогая Варвара Андреевна! — начал он голосом, который, будь он чуть больше, мог бы принадлежать оперному басу. — Уважаемое собрание! Сегодня мы открываем страницу, которую наши предки…

— Аполлинарий Гаврилович, — раздался из первого ряда голос, — она стоит. Предложите гостье сесть, а потом уже предков.

Голос принадлежал полной мышке в чепчике и фартуке с вышитыми вишенками. Голова собрания запнулся, поправил очки-бусины и величественно указал лапой на бочку в углу:

— Прошу вас, присаживайтесь. Это бочка из-под огурцов урожая тысяча девятьсот шестьдесят второго года, очень устойчивая.

Варя села на бочку. Бочка скрипнула, но выдержала.

— Итак, — снова начал Аполлинарий Гаврилович, — страница, которую наши предки…

Речь длилась сорок две минуты. Варя знала точно, потому что в какой-то момент украдкой посмотрела на часы. Из неё она узнала следующее. Мыши в Мышкине разговаривают давно, как минимум с тех пор, как в городе поставили первую мельницу. Они живут под городом, в старых погребах, подвалах, под половицами купеческих домов и в стенах музея. У них есть своё собрание, своя библиотека, своя пекарня, свой хор и свой почтальон по имени Кузьма, который в прошлом году получил медаль за то, что ни разу не перепутал адрес. Все эти двести с лишним лет мыши потихоньку помогают людям. Находят потерянные ключи и подкладывают на видное место. Будят по утрам тех, кто проспит на работу, топотом на чердаке. Отгоняют от огородов кротов. Подсказывают хозяйкам, когда снимать варенье с огня: начинают шуршать в буфете ровно в нужную минуту. Люди считают это приметами.

Дважды голова собрания цитировал Пушкина. Первый раз сказал: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он мышь уважать себя заставил». Второй раз: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как сыр, что пахнет вдохновеньем». Оба раза из первого ряда раздавалось тихое, но выразительное покашливание мышки в чепчике, и оба раза голова собрания делал вид, что не слышит.

— А теперь, — объявил Аполлинарий Гаврилович, когда свечи заметно укоротились, — главное. Тихон, выйди.

Из третьего ряда, спотыкаясь о соседские хвосты, выбрался молодой мышонок. Варя узнала его сразу: те же круглые уши, тот же растерянный вид пассажира, вышедшего не на той остановке.

— Это Тихон, — представил голова. — Мой внук. Это он вчера упал к вам в чай.

— Я хотел посмотреть, кто приехал, — объяснил Тихон, покраснев, насколько вообще может покраснеть мышь. — Я шёл по подоконнику, а там кружка, а я засмотрелся на подсолнухи…

— Ничего страшного, — сказала Варя. — Я сама вчера засмотрелась на ворону и уронила ящик с ложками.

Тихон посмотрел на неё с огромной благодарностью. По погребу прошёл одобрительный шорох.

— Но это не главное, — продолжил голова. — Главное в том, что вы его поняли. Вы услышали, что он сказал. Люди нас не слышат, Варвара Андреевна. Для них мы пищим. Вы первая за сорок лет, кто слышит. Последним был часовщик Пётр Ильич, он чинил часы на колокольне, но он, к сожалению, переехал к дочери в Рыбинск.

Варя открыла рот и закрыла его. Новость была из тех, которые надо сначала положить на полочку, а потом уже разглядывать.

— Почему я? — наконец спросила она.

— Никто не знает, — развёл лапами голова. — Пётр Ильич говорил, что слышат те, у кого абсолютный слух и доброе сердце. Но он был часовщик и романтик.

Абсолютный слух у Вари был. Про сердце она судить не бралась.

— Теперь деловое предложение, — сказал голова и выпрямился во весь свой мышиный рост. — Через два месяца в Мышкин приезжает комиссия всероссийского конкурса «Самый уютный малый город России». Глава вашей администрации Нина Петровна получила письмо на прошлой неделе. Мы его прочитали, — он слегка смутился, — случайно. Оно лежало на столе, а Кузьма как раз проходил мимо.

— Город-победитель получает грант на благоустройство, — подхватила мышка в чепчике. — А у нас в библиотеке протекает крыша. Сорок лет протекает. В дождь мы переносим книги на верхние полки, а на нижних ставим напёрстки, чтобы капало. Если город выиграет, будут ремонтировать старые дома. И наш тоже. Библиотека у нас под музеем, деточка, под самой крышей, над которой и ремонт.

— Мы хотим помочь городу победить, — сказал голова. — Мы знаем каждую щёлку, каждый угол, каждую старинную вещь в Мышкине. Мы знаем, где на чердаке лежат фотографии прошлого века, о которых все забыли. Мы знаем, какая яблоня в городе самая старая. Но мы не можем сказать этого людям. А вы можете.

— А взамен, — мышка в чепчике вышла вперёд и упёрла лапы в бока, — я помогу вам с лавкой. Меня зовут Мыська, я сорок лет держу нашу пекарню и знаю про сыр больше, чем любой сыродел в Угличе. Я по запаху скажу, какая головка созрела, а какой ещё неделю лежать. И нечего на меня так смотреть, у меня нос лучший в Ярославской области.

Варя посмотрела на сорок с лишним пар внимательных глаз. На свечи. На Тихона, который скрестил лапки, как будто загадал желание. На бочку урожая шестьдесят второго года, на которой сидела. И подумала, что вчера утром она была учительницей музыки, которая переезжает в провинцию открывать лавку. А сегодня, кажется, она кто-то другой.

— Договорились, — сказала она.

Погреб взорвался таким восторженным писком, что с полки свалилась банка с прошлогодними огурцами. Мышиный хор, сидевший в задних рядах, грянул что-то торжественное, и хотя пели они чуть ниже, чем нужно, Варя с удовольствием отметила, что альты у них очень приличные.

Когда она поднималась по лестнице, Мыська догнала её на седьмой ступеньке и сунула ей в руку свёрток размером с грецкий орех.

— Это пирожок, — сказала она. — Маленький, но с душой. И ещё, деточка. Ешьте больше. Хозяйка сырной лавки должна выглядеть так, чтобы люди ей доверяли. А вы худая, как скрипичный ключ.

Пирожок оказался с яблоком и корицей и был таким крошечным, что Варя съела его, не заметив. Но вкус она запомнила на всю жизнь.

Глава 3. Сыр, который пахнет вторником

Две недели ушли на подготовку. Варя покрасила стены в цвет топлёного молока, повесила полки, расставила на подоконнике горшки с геранью, которую ей принесла тётя Люся («герань от мух и от сглаза, а от мышей у нас ничего не помогает»), и заказала вывеску. Вывеску сделал местный столяр дядя Коля, молчаливый человек с золотыми руками. На доске из липы он вырезал круг сыра, чашку и надпись «Сырная лавка». Над буквой «ы», по собственной инициативе и без всякой доплаты, он вырезал крошечную мышку.

— Для местного колорита, — объяснил дядя Коля. Это была самая длинная фраза, которую Варя от него слышала.

Мыська появлялась каждое утро в половине седьмого. Она приходила через щель под плинтусом, отряхивала фартук, забиралась по специально поставленной для неё деревянной лесенке на прилавок и начинала работу. Работа заключалась в том, чтобы обнюхать каждую головку сыра и вынести приговор.

Варя закупала сыр у трёх сыроварен в округе: у фермера Сидоренко из-под Углича, у молодой пары из деревни Охотино и у старой сыроварни в Ярославле. Каждую головку Мыська обходила кругом, нюхала, иногда прикладывала ухо, как доктор к груди пациента, и объявляла:

— Этот готов. Этот пусть полежит до четверга. А этот, — она морщила нос, — этот пахнет вторником.

— Это как? — спросила Варя в первый раз.

— Это значит, деточка, что он ни туда ни сюда. Как вторник. Понедельник хоть тяжёлый, пятница весёлая, а вторник просто есть. Такой сыр надо резать на бутерброды, а не продавать как отдельное удовольствие.

Варя записывала. За две недели у неё накопилась целая тетрадь мышиной сырной науки, и она подумывала когда-нибудь издать её под названием «Нюх и сыр: заметки с прилавка».

Отдельно Мыська заботилась о Варином питании. Каждое утро на краю прилавка появлялась крошечная тарелочка с чем-нибудь: оладушек размером с пуговицу, ватрушка размером с напёрсток, пирожок размером с фасолину.

— Мыська, это же один укус, — сказала Варя однажды.

— Это, деточка, не еда, это намёк, — ответила Мыська. — Еду вы себе сами приготовите. А я намекаю, что пора.

Лавка открылась в субботу. Варя повесила на дверь табличку «Открыто», испекла три противня сырных булочек и пирог с луком и сыром по рецепту бабушки, заварила большой чайник облепихового чая и встала за прилавок. Сердце у неё колотилось так, как когда-то на первом экзамене в музыкальном училище, когда она играла Шопена и забыла вторую часть, а потом сочинила её заново прямо на ходу. Экзаменаторы так ничего и не заметили, а один даже похвалил за смелую трактовку.

Первой пришла, конечно, тётя Люся. Она купила сто граммов российского, понюхала его, сказала «ничего» и осталась пить чай. Через полчаса тётя Люся рассказала про новую лавку четырём подругам по телефону, и к обеду в зале не было свободного места.

Мышкинцы приходили с любопытством, как в новый музей. Они трогали полки, нюхали сыр, спрашивали Варю, откуда она, замужем ли, почему именно сыр, почему именно Мышкин и не страшно ли одной. Варя отвечала, резала, взвешивала и улыбалась. Почтальон Гена, долговязый молодой человек в бейсболке, купил полкило сулугуни и объявил, что будет заходить каждый день, потому что лавка как раз на его маршруте. Учительница начальных классов Анна Сергеевна купила козий сыр и спросила, не может ли Варя когда-нибудь прийти к ним в школу и поиграть детям на гитаре. Двое туристов из Москвы сфотографировали вывеску с мышкой и купили по булочке, сказав, что это самое аутентичное место в городе.

Мыська сидела на полке за банкой с мёдом и шёпотом подсказывала:

— Этому мужчине предложите выдержанный. У него лицо человека, который любит выдержанный. А той даме в шляпке ничего не предлагайте, она сама выберет, она из тех, кто сам.

Дама в шляпке действительно выбрала сама, причём именно тот сыр, который Мыська считала лучшим в лавке. Уходя, она погладила вывеску и сказала, что придёт ещё.

Около трёх часов дверь распахнулась так, что колокольчик над ней не звякнул, а взвизгнул. В лавку стремительно вошла женщина лет пятидесяти в синем брючном костюме, с папкой под мышкой и выражением лица полководца, который только что получил донесение о наступлении противника.

— Нина Петровна, — представилась она, протягивая руку через прилавок. — Глава администрации. Рада, очень рада, давно ждали, такие люди нам нужны, а у вас что, правда сыр из Охотина? Мне двести грамм, нет, триста, нет, давайте полкило, у меня совещание.

Варя ещё взвешивала сыр, а Нина Петровна уже говорила о главном.

— Вы, наверное, уже слышали. Конкурс! Самый уютный малый город России! Мы прошли в финал, представляете? Нас и ещё четыре города. В том числе Углич, — она произнесла это слово с таким выражением, с каким произносят название соседской команды на чемпионате по футболу. — Через семь недель приедет комиссия. Пять человек, три дня, будут ходить, смотреть, пробовать, оценивать. И ваша лавка, Варвара Андреевна, должна стать одной из жемчужин маршрута.

— Я постараюсь, — сказала Варя.

— Нет, нет, нет, — замахала руками Нина Петровна. — Не постараетесь. Станете! Я в вас верю. Я вижу людей насквозь, у меня это профессиональное. Вот, — она достала из папки листок и шлёпнула его на прилавок, — план мероприятий. Ознакомьтесь. Если будут идеи, заходите. Нужны идеи! Людям нравятся традиции. А у нас традиций мало. В смысле, они есть, но все какие-то обычные.

Она схватила сыр, расплатилась, пожелала удачи и вылетела из лавки так же стремительно, как вошла. Колокольчик над дверью взвизгнул повторно, на этот раз как будто с облегчением.

Мыська выглянула из-за мёда.

— Вот это, — сказала она с уважением, — женщина. Сорок лет за ней наблюдаю. Она в детстве так же в садик ходила. Бегом.

Вечером, когда последний посетитель ушёл, Варя села на ступеньку крыльца с кружкой чая и пересчитала выручку. Цифра оказалась вдвое больше, чем она рассчитывала в самых смелых мечтах. Она сидела и улыбалась, как дурочка, и ей было всё равно, видит ли это кто-нибудь.

Возвращаясь в дом, она едва не наступила на корзинку. Корзинка стояла прямо у двери, накрытая клетчатым полотенцем. Под полотенцем лежали пирожки, ещё тёплые, с капустой, с грибами и с вишней. Сверху на пирожках, придавленная одним из них, лежала записка, написанная крупным, слегка неуклюжим почерком:

«Новой лавке на удачу,
Пусть она идёт не в сдачу,
Пусть торгует без убытка
И не скрипнет в ней калитка».

Варя прочитала стихи дважды. Подумала. Прочитала ещё раз.

Стихи были ужасные. Рифма «удачу» и «сдачу» вызывала вопросы, а смысл выражения «идёт не в сдачу» не поддавался никакой логике. Но калитка у Вари действительно скрипела. Скрипела отчаянно, с переливами, как плохо настроенная скрипка. Она обратила на это внимание ещё в первый день и всё собиралась смазать.

Варя подошла к калитке и толкнула её. Калитка открылась беззвучно, будто никогда в жизни не скрипела. Петли блестели от свежего масла.

Варя постояла, потом посмотрела по сторонам. Улица была пуста. Только окно тёти Люси светилось, и в нём за занавеской угадывался силуэт с биноклем.

— Тётя Люся, — тихо сказала Варя в сторону окна, — вы же всё видели?

Силуэт немедленно отошёл от занавески и выключил свет.

Пирожки оказались невероятными. Особенно с вишней.

Глава 4. Человек, который пугает туристов

Утром тётя Люся сделала вид, что ничего не знает.

— Пирожки? Какие пирожки? — удивилась она так искренне, что Варя почти поверила. — Я вчера рано легла, у меня давление. А что, кто-то принёс? С чем?

— С вишней, с капустой и с грибами.

Тётя Люся задумалась, пожевала губами и сказала:

— С грибами это хорошо. Значит, человек в лес ходит. Значит, не лентяй.

Больше Варя ничего из неё вытянуть не смогла. Тётя Люся купила сто граммов пошехонского и ушла, загадочно улыбаясь.

Мыши тоже отрицали свою причастность. Мыська, услышав про пирожки, обиделась:

— Деточка, если бы я пекла вам пирожки, вы бы их в корзинке не нашли. Вы бы их нашли у себя в тарелке, разогретые, с запиской «ешь, а то остынет». И стихов я не пишу. У нас стихи пишет Аполлинарий Гаврилович, а вы его слышали. Ему лучше бы не надо.

— А калитку кто смазал?

— Не мы, — твёрдо сказала Мыська. — Мы лапами масло не носим, оно скользкое.

При этом она отвела глаза. Варя заметила, но решила не настаивать.

В понедельник лавка не работала, и Варя решила наконец посмотреть на город не через окно, а своими ногами. Тихон напросился с ней. После того вечера в погребе он стал заходить почти каждый день: сидел на краю прилавка, задавал вопросы о людях и записывал ответы в крошечный блокнот. Тихон мечтал стать экскурсоводом. Не мышиным, у мышей экскурсоводы были, а настоящим, человеческим.

— Люди ходят по городу и ничего не видят, — объяснял он, сидя у Вари на плече. — Они видят только то, что им рассказывают. А рассказывают им одно и то же. Музей мыши, Успенский собор, Волга. А то, что на третьем доме по Никольской на наличнике вырезан кот с баяном, никто не знает. И что в Мышкине есть дерево, которое помнит Наполеона, тоже никто не знает.

— Дерево помнит Наполеона?

— Ну, не самого Наполеона, — уточнил Тихон. — Новости про него. Это дуб на Угличской улице. Ему почти триста лет. Мне бабушка рассказывала, а ей рассказывал прадедушка, а прадедушке…

Варя посадила Тихона в нагрудный карман джинсовой куртки, откуда он мог смотреть на мир, держась лапками за край, и они пошли.

Мышкин в будний майский день был тихим и солнечным. На скамейках сидели бабушки, на заборах сидели коты, в палисадниках цвели первые тюльпаны. Варя прошла мимо Успенского собора, мимо старинных купеческих особняков, через сквер с памятником мыши, где туристы по очереди фотографировались, держа бронзовую мышь за лапу. Тихон смотрел на памятник с плохо скрываемой иронией.

— Похож на дядю Феофана, — шепнул он. — Тот тоже всегда так стоит, будто ждёт, что ему что-нибудь дадут.

От сквера улица вела вниз, к Волге. Там, у деревянной пристани, покачивались на воде лодки, пахло рекой и смолой, и стояла небольшая толпа туристов. Человек двенадцать: семья с детьми, пожилая пара, несколько девушек с телефонами, мужчина в панаме. Перед ними,

спиной к реке, стоял огромный бородатый мужчина в тельняшке и рабочей куртке. Варя узнала его сразу: это он проходил мимо её окна в первый вечер с сетью на плече.

— Это Степан Лодкин, — шепнул Тихон. — Он лодочник и гид. Возит туристов на ту сторону и рассказывает про город. Он самый лучший гид в Мышкине. Только его все боятся.

— Почему?

— Сейчас услышите.

Степан заговорил. Голос у него оказался низкий, гулкий и такой суровый, будто он объявлял не начало экскурсии, а приговор.

— Город Мышкин, — произнёс он, глядя куда-то поверх голов, — впервые упоминается в документах конца пятнадцатого века. Есть вопросы.

Последние слова прозвучали не как вопрос, а как утверждение. Вопросов ни у кого не было. Девочка лет семи спряталась за маму.

— Название города, — продолжил Степан тем же тоном, — по легенде связано с князем, который спал на берегу Волги. По его лицу пробежала мышь. Мышь его разбудила. Под ноги подползала змея. Князь спасся. Мышь стала символом города.

Он сделал паузу. Мужчина в панаме неуверенно поднял руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.